

Исследование роли психической регуляции в детерминации преступных деяний

Research on the role of mental regulation in the determination of criminal acts

Садрисламов Г.Ф., ФГБНУ “Институт педагогики, психологии и социальных проблем”,
gsadrislamov@bk.ru

Sadrislamov G., Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems, gsadrislamov@bk.ru

DOI: 10.34772/KPJ.2020.139.2.039

Ключевые слова: психическая регуляция, преступные деяния, криминальное поведение, криминальная субкультура, профилактика преступности.

Keywords: mental regulation, criminal acts, criminal conduct, criminal subculture, crime prevention.

Аннотация. В статье рассматривается проблема полифакторальной детерминации преступных деяний с целью выявления дополнительных условий их профилактики. В настоящее время идет переосмысление оснований преступных действий личности. Возникает понимание того, что не существует строго однозначной зависимости криминального поведения от той или иной отдельно взятой внешней или внутренней «детерминанты». Более фундаментальное значение имеет императив нахождения адекватной феномену преступности парадигмы, имеющей соответствующие категориально-понятийные средства познания. Теоретическим и экспериментальным исследованием установлено, что в общем виде внешним обстоятельством по отношению к преступной деятельности (преступнику) выступает криминальная субкультура, внутренним – криминальные аффективно-смысловые образования. В реальности преступная деятельность есть единство первого и второго, а ее основу составляет целостный процесс психической саморегуляции.

Abstract. The article addresses the problem of the determination of criminal acts in order to identify additional conditions for their prevention. Currently, there is a rethinking of the grounds for criminal acts of the individual. There is an understanding that there is no strictly unambiguous dependence of criminal behaviour on a particular external or internal "determinant." More fundamental is the imperative of finding a paradigm adequate to the phenomenon of crime that has appropriate categorical means of knowledge. Theoretical and experimental research has found that in general form external circumstance in relation to criminal activity (criminal) is criminal subculture, internal - criminal affective-sense entities. In reality, criminal activity is the unity of the first and second, and its basis is a holistic process of mental self-regulation.

Актуальность исследования. Проблема источников, психологических механизмов преступного поведения и его коррекции имеет фундированные теоретические и практические аспекты. Существенными представляются теоретические аспекты проблемы, которые имеют непосредственный выход на задачу предупреждения преступности. От их успешной разработки во многом зависит общая ориентация политической, философской, юридической, психологической, педагогической мысли и практики в деле профилактики преступлений, перевоспитания представителей преступного мира, коррекции их духовно-нравственного неблагополучия.

Многие проблемы преступной деятельности коренятся в том, что в свое время специалисты в области психологии исключили из сферы своих интересов изучение души как невидимого, сверхчувственного, амодального, а значит, ненаблюдаемого и неизмеряемого феномена [1]. Это повлекло за собой отказ от понимания Я - души (предмета воспитания) как активности – деятельности и, в конечном счете, привело к утверждению и реализации упрощенных образовательно-воспитательных моделей, базирующихся на использовании лишь коммуникативного канала, средств вербального воздействия, что по определению исключает достижение желаемого правопослушного или

духовно-нравственного эффекта. Между тем, как показывают экспериментальные данные, существует целый ряд отличительных особенностей именно в содержательных характеристиках преступной деятельности, корнящихся в особенностях аффективно-смысловых образований и закономерностях их функционирования. Игнорирование этих особенностей также удерживает пенитенциарную практику в русле общих и традиционных воспитательных технологий, которые не могут быть эффективными при таких подходах.

Изучая детерминанты криминального поведения, механизмы воспроизводства, трансляции преступного образа жизни, специалисты столкнулись с целостным феноменом, получившим позднее название криминальной субкультуры [2-4]. Идеальная внешняя форма криминальной субкультуры (объективное пространство) - это не просто пространство, автоматически развивающее преступную личность, и не детерминанта ее развития. Основным источником усвоения человеком выработанных криминальных особенностей является включение его в деятельность, которая направляется соответствующими потребностями, мотивами, включенными в аффективно-смысловые образования. Цель такой деятельности заключается в воспроизведении в человеке сложившихся в криминальном пространстве асоциальных способностей. В процессе психического развития у человека возникает, прежде всего, именно эта деятельность и на ее основе происходит воспроизведение сущностных и развитие актуальных, а затем и потенциальных криминальных способностей. В исследованиях отмечается, что криминальная субкультура является аккумулятором модернизируемого криминального опыта и регулятором преступной деятельности. Этот опыт санкционирует асоциальные формы поведения и пресекает социально положительные.

Рассматривая вопрос о психологическом уровне регулирования деятельности как о детерминанте преступных деяний, необходимо еще раз обратиться к идее психологических функциональных органов и их влияния на духовный и нравственный облик человека. Подчеркнем только, что функциональные органы или психологические функциональные системы можно интерпретировать как материал (материю), из которого конструируется духовный организм, духовно-нравственный облик человека.

Материалы и методы исследования. В психологии отношения взаимного порождения внешней и внутренней форм обозначаются

понятиями «интериоризации» и «экстериоризации». Экстериоризация есть более или менее совершенное воплощение внутренней формы. Оба процесса (акта), как отмечает В.П. Зинченко [5], идут навстречу один другому. Они синергичны и невозможны один без другого. Именно эти процессы обеспечивают объективизацию субъективного и субъективизацию объективного. Но что же делает возможным сам факт такого присвоения, или функционирование процессов интериоризации и экстериоризации?

Во-первых, человек уже обладает такими свойствами, которые позволяют ему присваивать, интериоризировать внешнее содержание криминального пространства в его возможном многообразии. К таким специфическим сущностным способностям человека С.Л. Рубинштейн [6] и Н.И. Непомнящая [7] относят: потенциальную универсальность человека, позволяющую ему присваивать во всем многообразии социокультурное содержание, меняющееся исторически, онтогенетически, этнографически и т.д.; потенциальную бесконечность (неконечность) человека, позволяющую в познания мира и жизнедеятельности выходить за пределы значимого, усвоенного, в том числе и за пределы самого себя, создавать новое, творить; особую взаимосвязь с другими людьми (как условие присвоения человеческого опыта), характеризующуюся способностью отождествлять себя с другими, брать новые содержания от других. Все эти специфические сущностные свойства являются условием и одновременно выражением способностей, стремления к совершенству, высокой энергичности, пристрастности.

Во-вторых, человек является носителем семиотической (знаково-символической или орудийной) деятельности. В отечественной психологии постановка проблемы роли знака в психогенезе и развитии психологических механизмов (семиотической функции) обычно связывается с именем Л.С. Выготского [8], считающего появление у человека способности использовать знаки центральным и основным моментом в построении всякой внешней психической функции, в том числе духовно-нравственных (аффективно-смысловых образований). В качестве психологических орудий (медиаторов) семиотической деятельности он рассматривал язык, различные формы нумерации, алгебраическую символику, произведения искусства, письмо, схемы, диаграммы, чертежи, карты, мнемотехнические средства и другие условные знаки.

Представление о том, что психическое, а в его высшей форме – высшие психические функции (психологические функциональные органы, аффективно-смысловые образования, психическая деятельность) могут рассматриваться в качестве ведущих детерминант преступного поведения. Как отмечал А.Н. Леонтьев [9], о первичности образа мира и задаваемых им оценочных функциях можно говорить лишь в плане анализа отдельного акта познания, т.е. в плане функционирования уже сформировавшейся системы познавательных действий. В генетическом аспекте первичным является непосредственный практический контакт субъекта с окружающей средой и другими людьми. Человек воздействует на реальность новыми, усовершенствованными орудиями. При этом возникает новая реальность и новым становится сам человеческий компонент взаимодействия, возникают новообразования психики. Итак, три компонента данной системы: человек; психологические орудия (медиаторы); идеальные формы культуры – взаимодействуют между собой, а вся система переходит в новое качество.

На основании изложенных концептов было проведено пилотажное исследование роли психологической регуляции в детерминации преступных деяний. В исследовании были применены: метод исследования «духовной деформации» и метод корреляционного анализа статистических данных. Испытуемыми выступили взрослые преступники, в том числе впервые осужденные, и правонарушители с большим количеством судимостей. Всего в исследовании приняло участие 42 испытуемых в возрасте от 22 до 46 лет.

Результаты исследования. На первом этапе исследования с помощью метода исследования «духовной деформации» [10] у осужденных выявлялась степень выраженности четырех направлений духовного падения: доминирование эгоизма (ДЭГ), духовной безответственности (ДБО), стремление к господству (СГ) и преумножение зла (ПЗ). Данная группа показателей сопоставлялась с последующими тремя группами показателей.

Вторую группу показателей составили особенности темперамента (сангвиник, холерик, меланхолик, флегматик); третью – показатели свойств нервной системы (сила нервной системы по возбуждению, подвижность, динамичность) и

социальные условия осужденных до заключения. Четвертую группу показателей составляли оценки особенностей психологического уровня регуляции преступной деятельности. Изучение этой группы показателей проводилось с помощью анализа особенностей выполнения экспериментальной деятельности по выполнению тестовых заданий. С помощью тестовых заданий определялись следующие регуляторные особенности: планирование действий (ПД), оперативность мышления (ОМ), предвидение (Пр), рефлексия (Реф), гибкость мышления (ГМ), коррекция (К). Особенности взаимоотношений (сопряженности) между четырьмя классами показателей в двух группах осужденных в отдельности изучались с помощью корреляционного анализа по Пирсону. Анализ таблиц интеркорреляций осуществлялся с помощью метода отыскания максимального корреляционного пути (по Л.К. Выханду [11]). Эти данные обобщены на рисунке 1.

Из рисунка видно, что во всех группах испытуемых присутствует непосредственная связь показателей духовной деформации с показателями, характеризующими особенности психической регуляции деятельности (оперативность мышления, планирование действий, рефлексия и др.). Однако порядок и количество связей данных классов показателей в группах испытуемых оказался неодинаковым. В группе испытуемых рецидивистов особое место занимают все показатели психической регуляции деятельности, которые связаны с показателями духовной деформации непосредственно. В группе впервые осужденных эти показатели в большинстве своем образуют наиболее удаленный «ярус». Они связаны с показателями духовной деформации опосредованно (через показатели других групп). Таким образом, анализ корреляционных структур свидетельствует о различных соотношениях в экспериментальных группах показателей духовной деформации и показателей, гипотетически выделенных в качестве причин преступного поведения или духовной деформации. Как показал дальнейший анализ результатов исследования, различия в соотношениях четырех классов данных – темпераментальных, духовных, нейрофизиологических и психорегуляторных - обусловлен различиями в выявленных особенностях психической регуляции деятельности.

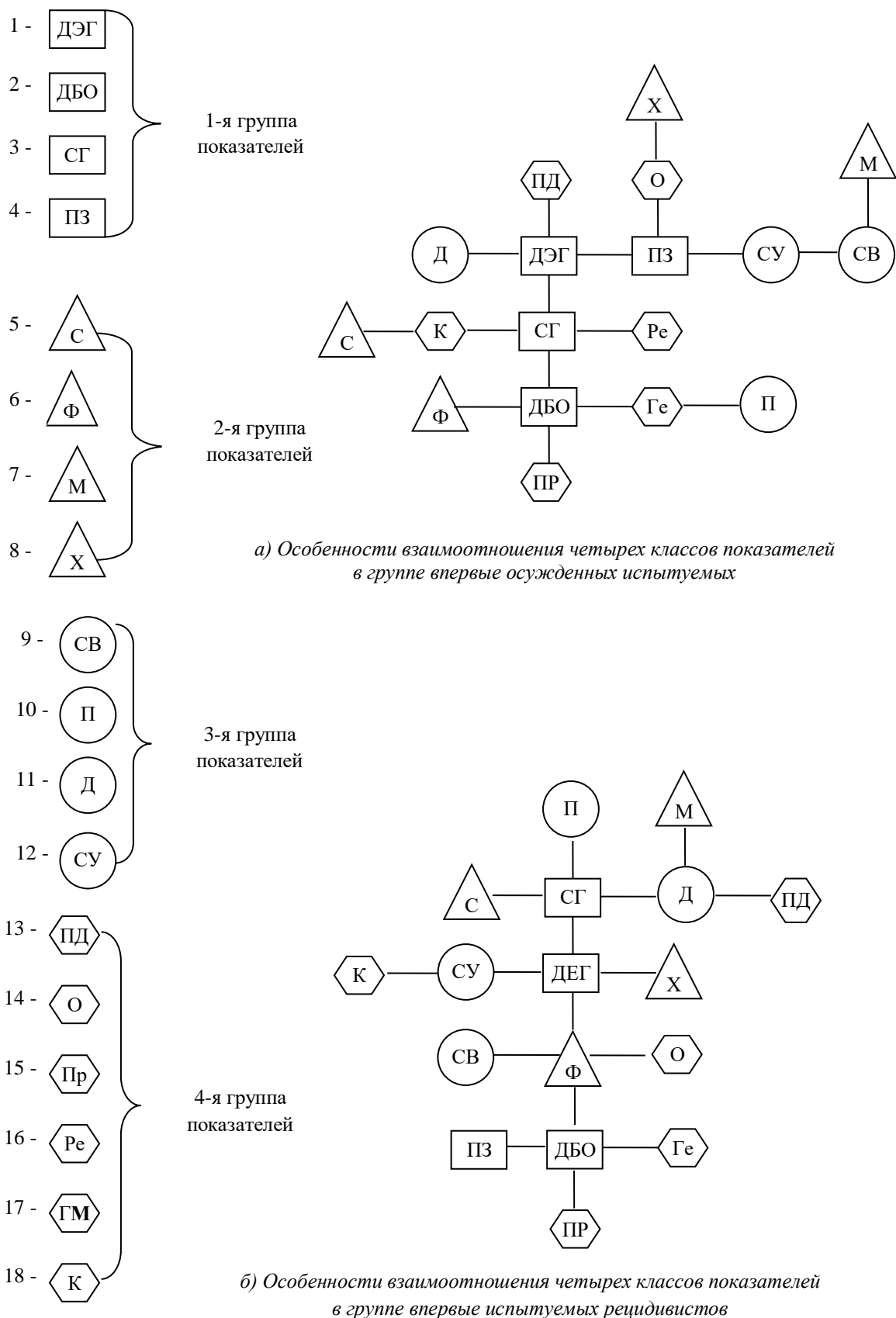

Рисунок 1. – Особенности взаимодействия показателей

Сопоставление средних групповых величин с помощью метода оценки достоверности межгрупповых различий показало преимущество испытуемых с большим количеством судимостей

перед впервые осужденными в психической регуляции деятельности, см. таблицу 1. По остальным классам данных межгрупповых различий не обнаружено.

Таблица 1. - Оценка достоверности межгрупповых различий в психической регуляции деятельности

Испытуемые	Название показателей, критерий t											
	ПД	t ₁₋₂	ОМ.	t ₁₋₂	ПР	t ₁₋₂	Реф.	t ₁₋₂	ГМ	t ₁₋₂	К	t ₁₋₂
Впервые осужденные	5,1		4,8		7,2		5,8		6,2		7,9	
Осужденные с большим кол-вом судимостей	8,4	4,51	6,7	3,5	4,3	5,64	4,2	3,82	5,1	3,53	6,5	4,52

Результаты анализа представленных данных дают основания полагать, что в условиях криминальной субкультуры, а также в местах лишения свободы у испытуемых рецидивистов с различными особенностями темперамента и личности формируются такие особенности регуляции, согласно которым они осуществляют преступные деяния. В качестве развитых психических компонентов саморегуляции можно выделить, например, высокий уровень развития внимания, практический интеллект, сочетающийся с некоторой находчивостью, сообразительность, предусмотрительность, переработку и объединение значимой информации, ориентировку на комплекс адекватных признаков, предвидение, целеполагание.

На осужденных с большим количеством судимостей места лишения свободы не оказывают экстремального воздействия. Для них колония стала «родным домом», требования режима и другие условия не являются новыми, требования воспитателей воспринимаются с позиции целесообразного конформизма. В целом, пока можно предположить, что у этой группы осужденных сформировалась достаточно жесткая система смыслообразований, которая, несмотря на наличие «желания» и «понимания», продолжает определять прежнее, извращенное, преступное отношение к миру. Эти экспериментальные результаты и их интерпретация не противоречат данным, ранее описанным в научной и методической литературе.

Заключение. Таким образом, можно думать, что детерминантой преступного поведения личности является активная, деятельностная интеграция в криминальную субкультуру. Именно такое вхождение в нее человека строит в

нем внутреннюю преступную форму, расширяет внутреннее (индивидуальное) пространство преступной личности. Как уже отмечалось, в основе преступной деятельности всегда лежат и эмоциональные, и волевые, и интеллектуальные проявления [12-15]. Нам представляется также, что в анализ преступного поведения необходимо включать не только эмоциональные состояния созерцания (отображательную функцию эмоций) и эмоциональную экспрессию, но и эмоции осуществляемой человеком деятельности, то есть живых эмоций деятельности. Иначе говоря, необходимо рассматривать интеллектуальные, волевые особенности и переживания в их отношении к регуляции криминальной деятельности, к реальной жизни преступника во всем многообразии ее действительного содержания. Развитие преступных деяний личности есть не что иное, как процесс вживания человека посредством названных психологических орудий (медиаторов) в пространство криминальной субкультуры. Последнее начинается с деятельности, предполагающей актуализацию у индивида со-присутствия, со-участия, со-действия, «вчувствование» во все то, что есть в криминальной субкультуре. Ограничение масштабов трансляции и степени влияния криминальной субкультуры может быть осуществлено как системный процесс. Его основными компонентами могут стать демифологизация, демистификация криминальной субкультуры, девальвирование ее ценностей в общественном мнении, утверждение общечеловеческих ценностей в молодежной среде, формирование личностной толерантности членов социума к воздействиям данной субкультуры, активизация духовно-нравственной деятельности граждан.

Литература:

1. Шабельников В.К. История психологии. Психология души: учебник для вузов / В.К.Шабельников. - М.: Академический проект; Мир, 2011. - 391 с.
2. Иванова А.А. Криминальная культура как детерминант преступности / А.А. Иванова // Всероссийский криминологический журнал. - 2016. - № 4. - Т.10. - С. 671-681.
3. Тулегенов В.В. Криминальная субкультура: понятие, структура и соотношение со смежными понятиями / В.В. Тулегенов // Вестник Астраханского государственного технического университета. - 2005. - № 5. - С. 220-226.
4. Шпак С.И. Криминальная субкультура как социальный феномен / С.И. Шпак // Общество и право. - 2012. - № 2(39). - С. 271-275.
5. Зинченко В.П. Размышления о душе и ее воспитании / В.П. Зинченко. - М.: РАО, 2001. - 34 с.
6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. - СПб: Издательство «Питер», 2000. - 712 с.
7. Непомнящая Н.И. Психодиагностика личности: Теория и практика / Н.И. Непомнящая. - М.: Гуманитарный изд. центр ВЛАДОС, 2003. - 192 с.
8. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6т. Т.6. Научное наследие / Л.С.Выготский; под ред. М.Г. Ярошевского. - М.: Педагогика, 1984. - 402 с.
9. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2т. / А.Н. Леонтьев. - М.: Педагогика, 1983. - Т. 2. - 320 с.
10. Аминев Г.А. Нейрокриминология: субмолекулярные методы. Бюллетень экспериментальных отчетов / Г.А. Аминев, Э.Г. Аминев. - Уфа: БО РПО, БГУ, 2001. - Ч. 8. - 330 с.
11. Выханду Л.К. Об исследовании многопризнаковых биологических систем / Л.К. Выханду // Применение математических методов в биологии. - Вып. 3. - Л., 1964. - С. 19-22.
12. Пастушенина А.Н. Психологический механизм преступного поведения: системно-функциональный анализ / А.Н. Пастушенина // Прикладная юридическая психология. - 2011. - № (1). - С. 27-38.
13. Юрьева В.Г. Психология преступного поведения и ее зависимость от акцентуации характера преступника / В.Г. Юрьева // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. - 2016. - № 1. - С. 116-120.
14. Барабанов Н.П. Криминологический и психологический аспекты криминальной идеологии и образа жизни в криминальной субкультуре осужденных / Н.П. Барабанов // Человек: преступление и наказание. - 2017. - № 2. - С. 177-182.
15. Щербаков Г.В., Лаврентьева И.В. Понятие преступного поведения: поиск различных направлений и несколько основных результатов исследований в области психологии преступного поведения // Г.В. Щербаков, И.В. Лаврентьева // Прикладная юридическая психология. - 2019. - № 1. - С. 6-17.
16. Гомонов Н.Д. Личность преступника: анализ особенностей / Н.Д. Гомонов, В.М. Труш, П.П. Пирогов, В.П. Тимохов // Юридическая наука. - 2019. - № 5. - С. 39-43.

References:

1. Shabelnikov V.K. The history of psychology. Psychology of the soul: a textbook for high schools / V.K.Shabelnikov. - M.: Academic project; World, 2011. - 391 p.
2. Ivanova A.A. Criminal culture as a determinant of crime / A.A. Ivanova // All-Russian Criminological Journal. - 2016. № 4. - T. 10. - S. 671-681.
3. Tulegenov V.V. Criminal subculture: concept, structure and relationship with related concepts / V.V. Tulegenov // Bulletin of the Astrakhan State Technical University. - 2005. - № 5. - S. 220-226.
4. Shpak S.I. Criminal subculture as a social phenomenon / S.I. Shpak // Society and Law. - 2012. - № 2 (39). - S. 271-275.
5. Zinchenko V.P. Reflections on the soul and its upbringing / V.P. Zinchenko. - M.: RAO, 2001. - 34 p.
6. Rubinstein S.L. Fundamentals of General Psychology / S.L. Rubinstein. - St. Petersburg: Publishing House "Peter", 2000. - 712 p.
7. Nepomnyashchaya N.I. Psychodiagnostics of personality: Theory and practice / N.I. Not remembering. - M.: Humanitarian ed. Center VLADOS, 2003. - 192 c.
8. Vygotsky L.S. Collected Works: in 6t. T.6. Scientific heritage / L.S. Vygotsky; under the editorship of M.G. Yaroshevsky. - M.: Pedagogy, 1984. - 402 p.
9. Leontiev A.N. Selected psychological works: in 2t. / A.N. Leontiev. - M.: Pedagogy, 1983. - T. 2. - 320 p.
10. Aminev G.A. Neurocriminology: submolecular methods. Bulletin of experimental reports / G.A. Aminev, E.G. Aminev. - Ufa: BO RPO, BSU, 2001. - Part 8. - 330 s.
11. Vykhandu L.K. On the study of multi-sign biological systems / L.K. Vykhandu // Application of mathematical methods in biology. - Vol. 3. - L., 1964. - S. 19-22.
12. Pastushena A.N. The psychological mechanism of criminal behavior: system-functional analysis / A.N. Shepherdess // Applied Legal Psychology. - 2011. - № (1). - S. 27-38.
13. Yuryev V.G. The psychology of criminal behavior and its dependence on the accentuation of the nature of the criminal / V.G. Yuryev // Bulletin of the Taganrog Institute named after A.P. Chekhov. - 2016. - № 1. - S. 116-120.
14. Drum N.P. Criminological and psychological aspects of criminal ideology and lifestyle in the criminal subculture of convicts / N.P. Drum // Man: crime and punishment. - 2017. - № 2. - S. 177-182.
15. Shcherbakov G.V., Lavrentieva I.V. The concept of criminal behavior: the search for various directions and several basic research results in the field of the psychology of criminal behavior // G.V. Shcherbakov, I.V. Lavrentiev // Applied Legal Psychology. - 2019. - № 1. - S. 6-17.
16. Gomonov N.D. The identity of the offender: analysis of features / N.D. Gomonov, V.M. Trush, P.P. Pirogov, V.P. Timokhov // Jurisprudence. - 2019. - № 5. - P. 39-43.